

"ВМЕСТЕ С ОДНИМ СОТРУДНИКОМ..."

Погруженный в журнальную работу, Некрасов в конце 40-х годов, в это трудное для "Современника" время, почти не печатал стихов. Он жаловался Панаевой:

- Чувствуешь потребность писать стихи, но знаешь заранее, что никогда их не позволят напечатать. Это такое состояние, как если бы у человека отрезали язык и... и он лишился возможности говорить.

Тогда ему пришла мысль о прозе, о большом романе, который позволил бы погрузиться в пространные описания, в изображение чувств и характеров. К прозе толкала его и прямая журнальная необходимость: как ни изобретателен был Некрасов, сколько ни тратил он энергии для добывания литературных материалов, сколько ни ходил в публичную библиотеку, чтобы просмотреть новые книги и написать несколько рецензий, все-таки нередко получалось так, что решительно нечего было печатать. Особенно в отделе словесности.

Цензура продолжала свирепствовать. Порой красный карандаш безжалостно перечеркивал давно приготовленные стихи и прозу, на которые редакция возлагала все свои надежды. Панаева рассказывает, что в 1848 году ни одна из шести повестей, назначенных для "Современника", не была разрешена к печати, так что для ближайшей книжки просто нечего было набирать. Запрещалась даже переводная беллетристика, особенно французская.

И вот однажды, доведенный до отчаяния цензурными преследованиями, Некрасов предложил Панаевой написать вместе с ним большое сочинение - роман, которым можно было бы из номера в номер заполнять журнальные страницы. Авдотья Яковлевна, уже накопившая к тому времени некоторый литературный опыт, охотно согласилась, и вскоре работа закипела.

Это был первый случай в русской литературе, когда роман писался вдвоем. Не все одобряли это даже в кругу "Современника"; Боткин, например, усматривал здесь нечто унижительное для литературы. Но соавторы не обращали на это внимания и ставили под своим сочинением две подписи - Н. Некрасов и Н. Станицкий.

Сообща был разработан сюжет и план будущего романа, распределены главы, кому какую писать. Авдотья Яковлевна написала пролог - о подкинутом в барский дом ребенку, Николай Алексеевич начал сюжетную линию главой из столь хорошо знакомой ему жизни петербургских "низов", затем пошли главы, написанные совместно, потом по очереди...

При чтении "Трех стран света" принадлежность отдельных глав (или частей) тому или другому автору угадывается довольно легко. Некрасовский текст заметно отличается своими литературными достоинствами (в ряде случаев весьма высокими), реалистической манерой, психологической достоверностью; текст Панаевой порой грешит мелодраматизмом, склонностью к псевдоромантическим приемам изображения чувств и разного рода "ужасов". К этому, впрочем, в известной мере предрасполагал и самый материал, разработка которого выпала на долю Панаевой, и понятное стремление подогреть интерес не слишком разборчивого читателя тех времен, сделать обширный роман с продолжением как можно занимательней и эффектней. Но, как бы то ни было, языковая неоднородность и разнотильность романа бросаются в глаза. Стилистические приметы, помогающие определить авторов разных глав романа, дополняются свидетельством первого биографа Некрасова А. М. Скабичевского, который на основании разговоров с престарелой уже Панаевой указывал, что ее перу принадлежит все, что касается "интриги и вообще любовной части романа", а Некрасов взял на себя "детальную аксессуарную часть, комические сцены, черты современной жизни и описание путешествий Каютина".

Страницы, написанные Некрасовым (а их, по-видимому, около половины), составляют наиболее сильную часть романа. Некрасов вложил в него немало труда. Приходится

удивляться, откуда у него, занятого постоянной работой по журналу, доставало времени для ежедневного писания романа? На этот вопрос позднее ответил сам Некрасов:

- Я, бывало, запрუსь, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь; никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли...

По словам Панаевой, он прочел массу книг, чтобы описать путешествия своих героев по родной стране, изучил сочинения русских путешественников - исследователей Сибири, Камчатки, Севера, Поволжья.

Первоначально Некрасов относился к начатому роману полушутя, даже почти иронически, о чем счел нужным предупредить, например, Тургенева. 12 сентября 1848 года он писал ему в Париж: "... Я пустился в легкую беллетристику и произвел, вместе с одним сотрудником, - роман в восемь частей и 60 печатных листов". Когда же в конце 1848 года первые части "Трех стран света" появились в журнале, он в следующем письме (17 декабря) добавил к этому: "Если увидите мой роман, не судите его строго: он писан с тем и так, чтоб было что печатать в журнале, - вот единственная причина, породившая его на свет".

Тут и опасение, что роман может не понравиться Тургеневу, первому авторитету в области прозы, тут и авторская скромность, и прямой намек на цензурные притеснения. Но не такой человек был Некрасов, чтобы тратить столько сил и времени, в частности, на борьбу с цензурой, постоянно придиравшейся к новому сочинению {Цензура, прежде чем разрешить к печати первые главы романа, потребовала от соавторов письменного заверения в том, что содержание последующих, еще не написанных глав будет вполне благонадежно. Сохранился документ, в котором Некрасов и Панаева обещают, что роман "будет производить впечатление светлое и отрадное"; "все лучшие качества человека: добродетель, мужество, великодушие, покорность своему жребию будут представлены в лучшем свете и увенчаются счастливой развязкой..."}, ради одной только цели - заполнить опустошенные той же цензурой страницы журнала. И вряд ли можно сомневаться, что по мере углубления в работу Некрасов относился к ней все более серьезно.

Он соблюдал старательно требования и приемы авантюрно-приключенческого жанра; своему соавтору он поручил заботу о развитии любовно-романтической линии, впрочем, вполне необходимой в композиции романа; сам же от главы к главе усиливал его социально-критическую тенденцию. Именно он написал выразительные, в духе натуральной школы страницы, рисующие контрасты бедности и богатства, губительную власть денег, жалкое прозябание городской нищеты, паразитизм помещичьего сословия. Но и это еще не все: он создал второй и наиболее значительный план романа, показал разные слои общества и, может быть, впервые открыл для русского читателя картины народного быта - трудовую жизнь русских рек, волжских пристаней, астраханских промыслов, северных экспедиций.

Описывая странствия Каютина, объехавшего "три страны света" в поисках своего счастья и заработка, нужного для будущей семейной жизни, Некрасов как бы хотел напомнить, что не только помещики-крепостники и чиновники-взяточники населяют Россию: на обширных ее просторах, на далеких окраинах кипит жизнь, там поднимается Россия промышленная, добывающая, строящая, открывающая новые торговые пути; там живут и трудятся люди деятельные и мужественные - охотники, промышленники, мореходы, лоцманы; там в борьбе с суровой природой, часто в условиях смертельной опасности выковывается "дух предприимчивости, отваги и удали".

Многие некрасовские страницы романа звучат как гимн в честь талантливого и смелого русского человека - только его свободный труд может одолеть силы природы, покорить моря, леса и недра земные, в которых "скрываются неисчислимые источники богатства, неразработанные, нетронутые". Это относится ко многим людям из народа, с которыми встречается Катотин во время своих скитаний, но прежде всего - к мореходу Антипу Хребтову; могучий характер этого человека, отважного и мудрого, готового пожертвовать жизнью для спасения товарища, способного выйти один на один против огромного медведя, олицетворяет в романе лучшие черты народа.

Это и есть одна из больших тем "Трех стран света", тема народа, крестьянства, важная для понимания некрасовского творчества конца 40-х годов, на пороге зрелости. Ни в одном другом раннем произведении Некрасов не определил с такой прямотой своего отношения к крестьянству, как в этом романе. В главе "Записки Каютина" он устами этого интеллигента и разночинца, вступившего в тесное общение с народной средой, выразил, несомненно, собственные размышления по этому поводу:

"В моих странствованиях, несчастьях и трудах одна была у меня отрада, без которой, может быть, я не вынес бы своей тяжелой роли... Познакомился и породнился я с русским крестьянином... среди моря, где равно каждому не раз грозила смерть, в снежных степях, где отогревали мы друг друга рукопашной борьбой, а подчас и дыханьем, в сырой и тесной избе, где, голодные и холодные, жались мы друг к другу... Труден доступ к его сердцу. Он суров, неразговорчив, неохотно обнаруживает свое чувство... Сердце его открывается не всякому и не вдруг... Будь прост и добр, а главное - будь искренен, прячь подальше чувство собственного превосходства, ... не показывай, что ты стараешься под него подладиться, - и тогда только можешь ждать его искренности... И тогда увидишь ты, что в нем есть душа, чувство, энергия, и что, главное, в нем много иронии, иронии дельной и меткой... Я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно многим нашим юношам, после обычной "жажды дел" впал в апатию и сидит сложа руки, кого тревожат скептические мысли, ... тому советую я, подобно мне, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всяких людей, посмотреть всяких див..."

Далее Каютин выражал надежду: если скептики столкнутся с народом, они устыдятся своего бездействия и скептицизма, откинут лень и отдадут свои силы делу "процветания русского народа".

Конечно, эти суждения не были случайностью: в них выражено то отношение к народу, которое сложилось к тому времени у Некрасова; оно не было окончательным, поскольку преклонение перед народным характером еще не соединилось здесь с мыслью об освобождении крестьянства от векового гнета; однако остается бесспорным факт: безоговорочное признание нравственной силы народа решительно прояснило общественную позицию Некрасова. К тому же эта чисто некрасовская тема прозвучала со страниц "Современника" в такое время, когда в условиях "мрачного семилетия" поощрялась только легкая беллетристика.

"Три страны света" - второй роман, написанный спустя пять лет после ненапечатанного романа о Тростникове. О том, насколько вырос Некрасов как прозаик за эти годы, насколько углубилось его понимание действительности, можно судить, сравнив роль автобиографического начала в том и другом сочинениях. В первом случае оно преобладает настолько, что роман о Тростникове донныне служит материалом для биографов поэта, их первая забота при анализе романа - отделить художественный вымысел от биографической основы, от действительных фактов, рисующих бедствия и приключения молодого человека, литератора, без гроша в кармане приехавшего из провинции в столицу.

Совсем не то в "Трех странах света". Если и есть автобиографические черты в облике Каютина, то они не играют существенной роли в проблематике романа. Внимание автора привлекают многообразие жизни, ее реальные картины; изображая человека, он интересуется прежде всего социальными связями и материальными отношениями. Это сказалось не только в народных сценах, но еще больше в трезвой и точной характеристике разных общественных слоев - вырождающихся аристократов, либеральных дворян, помещиков-крепостников, провинциальных купцов, чиновников, мелких и крупных дельцов, хищников буржуазного типа (образ Кирпичова). Всем им противостоят люди из "низов" общества - бедные труженики, городские нищие, крепостные крестьяне... Глава "Деревенская скука", один из лучших образцов некрасовской прозы {Тогда же (1848) Некрасов переделал эту главу в пьесу. Под названием "Осенняя скука" он опубликовал ее в 1856 году, а поставлена она была лишь в 1902 году в Александрийском театре, где прошла с большим успехом. Театральная критика того времени с удивлением отмечала, что в "бессюжетном" построении, в характерах пьесы, в искусстве воссоздания атмосферы затхлого помещного быта автор намного опередил свое время. В "Осенней скуке" увидели "зачатки чеховской манеры". "Казалось, она написана только вчера, -

писал театральный деятель П. П. Гнедич. - Весь Чехов со всеми его "настроениями" был здесь. Все ухищрения и детали постановки Московского Художественного театра были предвосхищены Некрасовым"}, дает наглядное представление о крепостнических нравах: обнаружив незаурядное мастерство диалога, автор показывает, сколь изощренными могут быть издевательства скупающего помещика над его слугой - крестьянским мальчиком.

Еще большую социальную зоркость проявил Некрасов, рисуя типы либерального дворянства. Такова характерная фигура гуманного барина Тульчинова, изображенного не без иронии; таков едва ли не первый в русской литературе образ помещика-либерала, в котором уловлена примечательная черта времени. В романе его зовут Григорий Матвеевич Данков.

Мы уже знаем, что несколькими годами раньше, в пору организации "Современника", ему пришлось столкнуться с помещиком Григорием Толстым, недавно вернувшимся из Парижа. Подобно реальному Толстому, помещик Данков одушевлен мыслью о необходимости трудиться, приносить пользу обществу. Он любит произносить громкие слова и, кажется, верит в них. Когда он "энергически ударял кулаками по столу и заводил речь о той же жажде благородной деятельности, которая кипит в его груди, нельзя было не сочувствовать, не верить каждому его слову, нельзя было не сознаться, что он призван действовать и сделать много хорошего..." Совсем как Григорий Толстой, в свое время посуливший деньги на издание журнала и обещавший позаботиться о свободе для своих крестьян.

Но время шло, Толстой не присылал денег Некрасову и не освобождал крепостных. А Данков, к удивлению оказавшегося в его усадьбе Каютина, точно так же не торопился приводить в исполнение свои остроумные планы, о которых говорил с таким жаром...

Каютин вскоре понял, что размеренная и спокойная жизнь уютной усадьбы с отличными винами, охотой, книгами, жизнь, в которую он сам ненадолго погрузился, вовсе не располагает к труду и тем более к реформам. Правда, интеллигентность и совесть иногда подсказывают мысль о безнравственности и несправедливости этой праздной жизни и довольства. Тогда-то и рождается то, что Некрасов позднее обозначил выражением "благие порывы", - недаром оно стало крылатым. Но "благим порывам" не суждено превратиться в действия, стать реальным делом, принести пользу людям.

И то, что Некрасов именно в этом сумел обнаружить не просто свойство одного человека, а характерную черту дворянской интеллигенции определенного времени, есть его великая заслуга. Ведь тема обличения либерализма, начатая в романе "Три страны света", нашла развитие не только в творчестве самого Некрасова (от Данкова один шаг до Агарина, героя поэмы "Саша"), но была продолжена литературой середины века (образ Рудина у Тургенева), была поддержана и углублена в критике Добролюбова и Чернышевского.

Исследователи считают, что, несмотря на свои художественные недостатки, роман "Три страны света" (кстати, трижды при жизни Некрасова выходящий отдельным изданием) и в некоторых других отношениях не прошел бесследно для русской литературы. Сам заметно впитавший в себя влияние Гоголя (оно ощутимо в диалогах, жанровых сценах, лирических отступлениях), роман в ряде образов и мотивов предварил некоторые мотивы произведений Гончарова ("обломовщина"), Островского (купеческие нравы). Немалое значение имела его общая антикрепостническая направленность.

* * *

Соавторы почувствовали большое облегчение, когда довели до конца сюжет огромного романа, продолжавшего печататься и в первых пяти номерах журнала за 1849 год. Какхгин, как и следовало ожидать, вернулся из своих странствий разбогатевший и возмужавший; не без труда разыскал он свою Полиньку, ради которой скитался, пережившую за это время немало горестей и злоключений, и роман, таким образом, закончился вполне благополучно, как и было обещано цензуре.

- Боже, как стало легко жить! - заметила Авдотья Яковлевна.

Но прошло немного времени, и Некрасов сказал, что надо приниматься за новый большой роман. Он уже придумал для него и тему и заглавие - "Мертвое озеро". Они занялись составлением плана, распределением труда между собой. Получилось так, что доля участия Некрасова в этом произведении оказалась гораздо меньшей, чем в предыдущем {Это подтверждается таким объективным показателем, как подписи авторов в журнале: во время публикация "Трех стран света" в оглавлении каждого номера на первом месте стояло имя Некрасова; когда печаталось "Мертвое озеро", подпись выглядела так: Н. Н. Станицкий и Н. А. Некрасов.}. А. Скабичевский, много лет спустя беседовавший с Панаевой, пришел к выводу, что Некрасов является автором всего двух-трех глав "Мертвого озера"; роман "почти всецело принадлежит перу г-жи Панаевой", - писал А. Скабичевский, по-видимому, несколько преуменьшая роль Некрасова в этом предприятии.

Но Скабичевский сообщает также, что Некрасову принадлежит самый сюжет романа, который он разработал вместе с Панаевой. Это очень важное указание. Мы вправе предположить, что, намечая канву будущего сочинения, Некрасов исходил прежде всего из возможностей своего соавтора. Именно поэтому он выбрал такую близкую ей тему, как судьба женщины, изображение ее горькой доли. Панаева, как автор "Семейства Тальниковых" была вполне подготовлена к тому, чтобы описать бедственное и бесправное положение провинциальных актрис, бедных гувернанток, забытых воспитанниц - всех, кто зависит от сильных, богатых и жестоких. Тема эта ее всегда привлекала.

Некрасов дал возможность своему соавтору воспроизвести такие стороны жизни, которые были ей больше всего знакомы; потому-то в романе почти нет деревни, крестьянства, но зато подробно показаны актерская среда, быт кулис, театральные нравы, с детства хорошо известные Авдотье Яковлевне, да и самому Некрасову.

В одном из вариантов стихотворения "Памяти Асенковой" мы читаем:

Увы, увы, не от актрис
Актрисе ждть пощады.
Младые грации кулис,
Прелестны вы с эстрады...

Эта тема разработана и в "Мертвом озере", в главах, рисующих судьбу молодой актрисы Ани Любской, которую ненавидит и преследует провинциальная примадонна.

И не удивительно, что эти главы относятся к числу лучших страниц романа: в них неизбежные и сложно закрученные любовные истории ("легкая беллетристика!") развиваются на фоне театрального быта, обрисованного ею знанием дела и с большой правдивостью (это отмечала и современная критика, например, А. Григорьев, в целом относившийся к роману неодобрительно). Как и предыдущий роман, "Мертвое озеро", появившееся в журнале в 1851 году, пронизано демократической тенденцией, многие его страницы отмечены реалистической манерой письма в духе требований натуральной школы. Не только "женский вопрос" придает несомненную актуальность роману; как и для всей некрасовской прозы, для него характерны столкновение "низов" и "верхов" общества, стремление показать острые противоречия между сильными и слабыми, "хозяевами жизни" и их жертвами; одновременно указать на нравственное вырождение всемогущих аристократов и благородство беззащитных бедняков. Мысль об этом, не всегда обнаженная, лежит в основе романа и составляет его сильную сторону.

Что же касается слабых сторон, то в "Мертвом озере" их гораздо больше, чем в "Трех странах света", - очевидное подтверждение того, что Некрасов как соавтор был на этот раз куда менее активен. Литературного дарования Панаевой не везде хватило на то, чтобы с необходимой глубиной реализовать замысел, предложенный Некрасовым. Налет мелодраматизма, недостаток художественной убедительности, обычные для Панаевой, очень заметны и в этом последнем их совместном сочинении.